

Citation: Душкин, М. (2025). Как будет *keliolika* по-русски? О семантике, прагматике литовского слова, а также вопросах его перевода. *Acta Baltico-Slavica*, 49, Article 3528. <https://doi.org/10.11649/abs.3528>

Dushkin, M. (2025). *Kak budet keliolika po-russki? O semantike, pragmatike litovskogo slova, a takzhe voprosakh ego perevoda. Acta Baltico-Slavica*, 49, Article 3528. <https://doi.org/10.11649/abs.3528>

Максим Душкин

Институт славистики

Польской академии наук

Варшава

maksim.duszkina@ispan.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0003-4433-1015>

Как будет *keliolika* по-русски? О семантике, прагматике литовского слова, а также вопросах его перевода

1. Вступительные замечания

В статье мы попытаемся дать оценку некоторым теоретически возможным средствам перевода литовской лексики *keliolika* на русский язык.

Однако сначала необходимо сделать несколько вступительных замечаний о литовской лексеме. Согласно *Lietuvių kalbos žodynas* (далее – LKŽ), это стилистически нейтральное слово служит для обозначения числа из промежутка от 11 до 19. Оно не является крайне употребительным, но и редко употребляемым его также нельзя считать. Согласно данным, приведенным в частотном словаре литовского языка А. Утки (Utkā, 2009), в миллионной словарной выборке слово *keliolika* встретилось 41 раз и заняло 3051-е место среди 42 061 лексем, расположенных в словаре в порядке убывания частотности¹.

¹ Для сравнения – несколько других примеров. *Keliolika* встречается реже, чем напр. *tūkstantis* (тысяча), которое находится на 637 месте (222 словоупотреблений), однако чаще, чем напр. *obuolys* (яблоко), *pensija* (пенсия), *režimas* (режим), у которых – по 37 словоупотреблений.

Учитывая сравнительно высокую частотность *keliolika*, неудивительно, что попытки определить его русские эквиваленты предпринимались на страницах многих литовско-русских словарей. Немного забегаая вперед, следует отметить, что эти попытки оказались скорее неудачными, прежде всего – по причине отсутствия в русском языке полного однословного соответствия.

Так, в первом издании словаря Антанаса Либериса (объем – 50 тысяч слов) (Liberis, 1971, с. 320) значение поясняется в скобках: *tarp 11 ir 19* ('между 11 и 19'). Русским же эквивалентом считается *несколько*, что вряд ли верно, поскольку это русское слово, сочетающееся с числовыми выражениями, обозначает скорее число из промежутка между 2 и 10². Слово *несколько* является соответствием *keliolika* и в *Кратком литовско-русском словаре* (Gaivenis и др., 1989). В двух последующих изданиях словаря Либериса³ в качестве эквивалента *keliolika* указано – наряду со словом *несколько* – и словосочетание *более десяти* (Liberis, 1988, с. 332, 2001, с. 340). Однако оно также вряд ли является идеальным, универсальным средством: *keliolika* – слово без стилистических ограничений употребления, тогда как сочетания *более* с числовыми выражениями – используются с определенными ограничениями.

Согласно данным *Большого универсального словаря русского языка*, у слова *более*² (нареч.) в значении 2.4. (в сочетании с количественными словами, употребляемого «для указания на превышение данного количества, данной величины») можно отметить оттенок книжности и официальности (Морковкин и др., 2017, сс. 59–60). Данная особенность ограничивает возможности его использования в текстах некоторых разновидностей.

Существуют и определенные смысловые различия между *keliolika* и *более десяти*. В данной статье этими различиями мы детально заниматься не будем, а ограничимся лишь общим замечанием: *более десяти*, в отличие от *keliolika*, не предопределяет верхней границы. Ср. *Должно быть более одного человека, чтобы имело смысл провести тренировку* (в секции по групповой акробатике). Наличие верхней границы может подразумеваться (в контексте), однако и в этом случае неизвестно, насколько именно она отдалена от выраженной на поверхности нижней (ср. *Пришло [чуть/заметно] более десяти человек*)⁴.

² Вопрос о точном определении значения этого слова довольно сложен, и мы еще к нему вернемся.

³ Измененных и дополненных (65 тысяч слов).

⁴ В этом отношении различные русские показатели смысла 'более' требуют кропотливого изучения. Ср. *Пришло в разы больше, чем 10 человек* vs. *?Пришло в разы более, чем 10 человек* vs. **Пришло в разы свыше 10 человек*. *Пришло чуть более/больше 10 человек* vs. *?Пришло чуть свыше 10 человек*. *Крысы – их было намного более десяти – срослись хвостами, а некоторые еще и боками* (З. Прилепин, Санька [из НКРЯ, б. д.]) vs. **Крысы – их было намного свыше десяти – срослись хвостами, а некоторые еще и боками*.

2. Эквиваленты *keliolika* в других языках и трудности с точным определением значения

В ряде славянских и балтийских языков существуют лексемы, которые можно считать соответствиями *keliolika*. Ср., обращая внимание на числовой предел, указанный в приводимых ниже определениях из соответствующих толковых словарей:

- Польский: *kilkanaście*. По данным ISJP, словом *kilkanaście* обозначается число, равное как минимум 11 и максимум 19, которое говорящий либо не знает, либо не хочет точно определить (ISJP-1, 2000a, с. 618)⁵.
- Украинский: *кільканадцять*. Авторы толкового словаря *Великий тлумачний словник сучасної української мови* описывают значение этой лексемы следующим образом: в границах от 11 до 19 (Бусел, 2004, с. 428).
- Латышский: *padsmīt*. По данным словаря *Latviešu literārās valodas vārdnīca* (Tēzauris.lv, б. д.), это слово употребляется для обозначения количества, числа от одиннадцати до девятнадцати.

Можно отметить, что эквивалент *keliolika* присутствует в польском языке, но отсутствует в близкородственном (западнославянском) чешском; есть в украинском, однако не фиксируется в близкородственном (восточнославянском) белорусском⁶. Причины этого требуют отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки настоящей статьи⁷. Для полноты картины следует, однако, добавить, что слова, по своему строению и значению сходные с лит. *keliolika*, польск. *kilkanaście*,

⁵ В польском языке существуют еще две лексемы с тем же значением: *paręnaście* (ISJP-2, 2000b, с. 23) и *naście* (ISJP-1, 2000a, с. 957). Однако они – в отличие от *kilkanaście* – принадлежат к разговорной лексике, т. е. возможности их использования более ограничены.

⁶ Интересно, что вопрос о слове-эквиваленте *kilkanaście* в известных нам польско-белорусских и польско-чешских словарях решается аналогично тому, как и вопрос о *keliolika* в рассмотренных выше литовско-русских: им считаются бел. *некалькі*, чешск. *nekolik* (то же, что и рус. *несколько*), при этом дается уточняющая информация о числовом пределе (11–19) (Волкава & Авілава, 2005, с. 230; Oliva и др., 1994, с. 385).

⁷ Заметим, однако, что в сфере языкового выражения приблизительного количества это не единственный случай, когда аналог средства (слова, словосочетания или конструкции), используемого в данном языке, можно найти в относительно далеком от него языке, тогда как в относительно близкий ему языкам оно отсутствует. Так, характерный для восточнославянских языков обратный порядок числительного, являющийся одним из способов выражения приблизительного числа (рус. *человека три*, бел. *тон трыццаць*, укр. *кілограмів вісім, днів дванадцять*) (Білодід, 1969, с. 253; Бірыла & Шуба, 1985, с. 119; Мельчук, 1985, сс. 147–160, 375; Duszkin, 2011, сс. 87–98), отсутствует в других славянских языках. При этом сходная конструкция используется в латышском (но – не в литовском). Ср.: *Vāzē liktas tās [dālijas] nostāv dienas [days] trīs [three]* 'Dahlias, when put in a vase, stay fresh for about **three days**'; *Mēs nebijām redzējušas gadus [years] piecus [five]* 'We hadn't seen each other for about **five years**' (примеры и их перевод на английский язык приведены по Kalnača & Lokmane, 2021, сс. 481–482). В латышском конструкция появилась, скорее всего, под влиянием русского или белорусского языков (однако этот вопрос требует уточнения).

встречаются также в венгерском языке, на что обращает внимание Д. Сакс (Sax, 2017, с. 200), опираясь на данные польско-венгерского словаря Т. Чорбы (Csorba, 1985). Ср.: *tizen-egynéhány* (*tizen* – основа чисел от 11 до 19, образованных от числа *tíz* ‘10’, напр. *tizenegy* ‘11’ = *tíz* ‘10’ + *egy* ‘1’; *tizenket* ‘12’ = *tíz* ‘10’ + *ket* ‘2’; *tizenhárom* ‘13’ = *tíz* ‘10’ + *három* ‘3’; *egynéhány* – несколько), *tíz-egynéhány* (*tíz* ‘10’, *egynéhány* – несколько), *tizen-valahány* (*valahány* – сколько-нибудь, сколько-либо, сколько бы ни было)⁸. Д. Сакс отмечает, что наличие в том или ином языке эквивалента польского *kilkanaście* (одним из которых является лит. *keliolika*) может быть как-то связано с географически-исторической общностью, находящейся в сфере влияния и контактов первой Речи Посполитой (Sax, 2017, с. 200).

Крайне важным нам видится факт, что литовское *keliolika* и его эквиваленты в балтийских и славянских языках – это морфологические производные, чье строение довольно прозрачно: можно проследить явную аналогию со строением числительных, называющих 11–19 в данном языке (и отличие от числительных от 20 и названий последующих десятков и чисел большего порядка). Ср.:

- Лит. *keliolika* и *vienuolika*⁹, *dvylika*, *trylika*, *keturiolika*, *penkiolika*, *šešiolika*, *septyniolika*, *aštuoniolika*, *devyniolika* vs. *dvidešimt*, *trisdešimt* etc.
- Польск. *kilka|naście* и *jede|naście*¹⁰, *dwa|naście*, *trzy|naście*, *czter|naście*, *pię|naście*, *sze|naście*, *siedem|naście*, *osiem|naście*, *dziewię|naście* vs. *dwa|dziesiąt*, *trzy|dziesiąt* etc.
- Укр. *кілька|надцять* и *оди|надцять*, *два|надцять*, *три|надцять*, *чотири|надцять*, *п'ять|надцять*, *шіст|надцять*, *сім|надцять*, *вісім|надцять*, *дев'ят|надцять* vs. *два|дцять*, *три|дцять* etc.
- Латыш. *padsmīt* и *vien|padsmīt*¹¹, *div|padsmīt*, *trīs|padsmīt*, *četr|padsmīt*, *piec|padsmīt*, *seš|padsmīt*, *septiņ|padsmīt*, *astoņ|padsmīt*, *deviņ|padsmīt* vs. *div|desmit*, *trīs|desmit* etc.

⁸ Разбор строения сделан нами на основе данных словаря Гальди (1987).

⁹ Авторы *Грамматики литовского языка* описывают строение литовских числительных данного типа следующим образом: «Числительные от *vienuolika* „одиннадцать“ до *devyniolika* „девятнадцать“ состоят из простых числительных и компонента *-lika*, который восходит к глаголу *likti* „остаться...“ (Амбразас и др., 1985, с. 145).

¹⁰ С точки зрения описательной грамматики современного польского языка, выступающий в числительных *jedenaste–dziewiętnaste* компонент *-naście* можно считать суффиксом (Bąk, 1984, с. 246; Klemensiewicz и др., 1964, с. 238). Исторически же числительные *jedenaste–dziewiętnaste* восходят к предложным конструкциям *jeden na dziesięć*, *dwa na dziesięć* и т. д. (Rospond, 2005, с. 117). В русском языке суффикс *-нацать* также происходит от предложной конструкции – *на десять*. Ср. древнерусское *одинъ на десять*, т. е. *один* + *на* + местн. пад. от *десять* (Иванов, 1990, с. 304; Новиков, 2003, с. 438). Интересно, что одной из причин редукции слогов в названиях чисел с компонентом *na dziesięć*, по мнению П. Бонка, была необходимость быстрого произнесения этих слов при счете (Bąk, 1984, с. 246).

¹¹ Как отмечают А. Калнача и И. Локмане, «Compound numerals are composed of more than one root, for example: ...11–19 (*vienpadsmīt* ‘eleven’ < *vienu pa desmit* ‘one by ten’, *divpadsmīt* ‘twelve’ < *divi pa desmit* ‘two by ten’, *piecpadsmīt* ‘fifteen’ < *pieci pa desmit* ‘five by ten’))» (Kalnača & Lokmane, 2021, с. 177).

Известно, что в рассматриваемых языках и сама система использования числительных для построения названий пунктов бесконечного арифметического ряда¹², и словообразовательное строение многих из этих лексем, и семантика неразрывно связаны с десятичной системой счисления. Числительные от *одинадцати* до *девятнадцати* обозначают числа, которые математически являются суммами числа 10 и одного из чисел ряда от одного до девяти (одной единицы разряда десятков и нескольких единиц разряда единиц): *одинадцать* – 10+1 и т. д. Эта особенность проявляется у данных слов на уровне морфологического строения¹³.

Можно сказать, что у числительных ряда *одинадцать* – *девятнадцать* оба компонента, зафиксированные в их словообразовательной структуре, являются смыслоразличительными. Второй компонент – суффикс *-надцать*¹⁴ – отделяет слова ряда *одинадцать* – *девятнадцать* от названий предыдущих и последующих чисел (1...9 и 20...). Первый же компонент, относящийся к числам первого десятка, дифференцирует их между собой (11 отличает от 12/13..., 12 от 11/13... и т. д.). То же замечание относительно смыслоразличительности первого и второго словообразовательных компонентов применимо и к числительным данного ряда в других рассматриваемых здесь языках: лит. *vienuo|lika* – *devynio|lika*, польск. *jede|naście–dziewięć|naście*, укр. *оди|нацять–дев'ят|нацять* и латыш. *vien|padsmīt–deviņ|padsmīt*.

Анализ приведенных выше числительных позволяет заключить, что в каждом из рассматриваемых языков у слова типа *keliolika* второй словообразовательный компонент – совпадает со вторым компонентом числительных ряда 11–19¹⁵.

Т. е. в состав латышских составных числительных 11–19 исторически входили три компонента: название числа (от числительных ряда 1–9), предлог *ра* и название числа 10.

¹² Система так называемых составных числительных, получаемых посредством сочетаний однословных числительных друг с другом.

¹³ В *Русской грамматике* указывается: «В суффиксальных количественных числительных *одинадцать*, *двенадцать* и далее, вплоть до *девятнадцать*, мотивированных количественными числительными, называющими числа первого десятка, выделяется суф. *надцать*... Такие числительные **обозначают количество, равное числу, названному мотивирующим словом, плюс десять**» (Шведова и др., 1980, с. 408; жирный шрифт наш. – М. Д.). Справедливости ради приведем также иную – не разделяемую нами – точку зрения, выраженную в *Исторической грамматике русского языка* В. В. Иванова: «В современном языке числительные *одинадцать*, *двенадцать* и под. – это простые числа, и они не разлагаются на *один + десять*, *два + десять* и т. д.» (Иванов, 1990, с. 304). Хотя возможно, автор имел в виду не неразделимость этих слов как таковую, а то, что для носителя современного языка не всегда очевидна связь между морфологическим строением этих числительных и строением обозначаемых ими понятий: чисел в десятичной системе счисления.

¹⁴ Суффиксом компонент *-надцать* называют, в частности, авторы *Русской грамматики* (Шведова и др., 1980, с. 408), а также В. В. Виноградов (1986, с. 251). Эта характеристика касается строения соответствующих лексем исключительно с точки зрения современного языка.

¹⁵ Кроме латышского, в котором второму компоненту числительных 11–19 соответствует все слово *padsmīt* целиком.

Такое совпадение нельзя считать случайным. Строение и значение слов типа *keliolika* безусловно взаимосвязаны¹⁶.

Литовская лексема *keliolika*, польская *kilka|naście*, украинская *кілька|надцять*, помимо компонента, связывающего их с лексемами, называющими числа от 11 до 19, содержат также основу, семантически соответствующую русскому *несколько*. Латышское же слово морфологически образовано по-другому, без компонента типа *несколько*. Интересно, что как минимум в польском и русском функционируют формально-семантические соответствия латышского *padsmi*: слова, содержащие лишь компонент, относящий к числам 11–19 (такой же, как в соответствующих числительных), и так же, как латышское слово, не содержащие словообразовательного компонента типа *несколько*. Ср.:

- Рус. **надцать**: «НАДЦАТЬ, -и; числ. Шутл. Количество, **равное любому числу из второго десятка**. Это было *n* лет назад» (Кузнецов, 2000, с. 579; жирный шрифт наш. – М. Д.).
- Польск. **naście**: „Naście znaczy to samo, co kilkanaście. Słowo potoczne. Kiedy się ma kilkanaście lat, to świat wydaje się prostszy” (ISJP-1, 2000a, с. 957); «...pot. „kilkanaście”: Przyszło nastu kolegów. Po nastu dniach dotarliśmy do celu» (SJP, 1988, с. 295)¹⁷.

Следует, однако, помнить, что эти слова – рус. *надцать* и польск. *naście* – обладают ярко выраженной прагматической спецификой, а следовательно – ограниченными возможностями использования в текстах определенных разновидностей (напр., трудно представить себе их появление в официальной документации государственных учреждений). Поэтому их нельзя считать полными эквивалентами ни литовского слова *keliolika*, ни латышского прагматически нейтрального *padsmi*, несмотря на формальное сходство с последним. Важно также и то, что русская лексема *надцать* – практически не употребляется носителями, что, по всей видимости, может быть связано с упомянутой ранее ярко выраженной прагматической спецификой (слово снабжено стилистической пометой *шутл.* в Кузнецов, 2000). В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, б. д.; Савчук и др., 2024) нами найдено всего 18 употреблений лексемы *надцать* (запрос <https://ruscorpora.ru/s/IYjKM>). Для сравнения у лексемы *одиннадцать* – 9538 употреблений (<https://ruscorpora.ru/s/mZILG>), а у *несколько* – 319 485 (<https://ruscorpora.ru/s/n5nM7>). Слово *надцать*, по нашему мнению, употребляется лишь в крайне специфических ситуациях и всегда несет прагматическую нагрузку. В этом также можно усматривать важное отличие от *keliolika*, частотность

¹⁶ Подобные наблюдения приводит и Д. Сакс относительно польского слова *kilkanaście*. Более того, Сакс предлагает описывать семантику именно путем обращения к форме этого слова: ‘jakiś element szeregu arytmetycznego o nazwie w języku polskim kończącej się na -naście’ (Sax, 2017, сс. 197–198).

¹⁷ В украинском **надцять* и литовском **lika*, по-видимому, не функционируют, во всяком случае соответствующие слова не отмечены в Бусел (2004) и LKŽ (2018).

которого в литовском языке, как мы уже упоминали ранее, достаточно высока¹⁸ и оно стилистически нейтрально.

Необходимо также рассмотреть вопрос о соотношении значения и формы двухкомпонентных *kelio|lika*, *kilka|naście*, *кілька|надцять*, словообразовательно мотивированных эквивалентами рус. *несколько*. Суть проблемы заключается в следующем: отражается ли значение компонента 'несколько' в значении этих дериватов и каким образом? Важно отметить, что лексема *несколько* и ее эквиваленты в рассматриваемых языках, сочетаясь с исчисляемыми существительными, требуют от них формы множественного числа, то есть подразумевают, что соответствующих предметов – два или более. Ср. *несколько книг* (vs. **несколько книга*), *kelios knygos* [несколько книг]¹⁹ (vs. **kelios knyga*), *kilka zdań / kobiet / kilku mężczyzn* (vs. **kilka zdanie/kobieta*, **kilku mężczyzn*), *кілька книг / кілька днів* (vs. **кілька книга / *кілька день*). Принимая это во внимание, можно было бы ожидать, что значение первого компонента *kelio|lika* – по аналогии с числительными ряда 11–19 – непосредственно отражается в значении этого слова. Это, в свою очередь, означает, что *keliolika* должно охватывать числа начиная с 12, а не с 11. Ср.:

- *vieniu|lika* (*jede|naście*, *оди|надцять*) – 10+1

и

- *kelio|lika* (*kilka|naście* etc.) – 10 + число из предела, обозначаемого *keli/kelios* (от 2).

Не исключено, однако, что в деривате (*keliolika*) первоначальное смысловое противопоставление *keli/kelios* числу один исчезает, а сам этот компонент лишь указывает, что значение *keliolika* охватывает отрезок арифметического ряда между числами 10 и 20, противопоставляя это слово числительным *vieniolika–devyniolika*, обозначающим на данном отрезке конкретные, отдельные точки. Именно такую трактовку подсказывают приведенные выше определения, содержащиеся в словарях (в них указан предел от 11 до 19). Даниэль Сакс предлагает описывать значение польского *kilkanaście* путем обращения к форме, т. е. принять, что слово обозначает 'элемент арифметического ряда, название которого в польском языке оканчивается на *-naście*' (Sax, 2017, с. 197; см. также с. 198). Однако при этом учитывается лишь смысл, вносимый компонентом *-naście*,

¹⁸ Польское *naście* также можно отнести к малоупотребительной лексике. Для сравнения абсолютная частота употребления *kilkanaście* в *Korpus Współczesnego Języka Polskiego* (Marciniak и др., б. д.) – 11 128 (это самое частое слово с компонентом *-naście*), *piętnaście* – 3023, *jedenaste* – 1059, а *naście* – всего 54 (по данным частотного списка корпуса Marciniak и др., б. д., запрос: *naście*\$)). Отметим, что частота разговорного *paręnaście* – 70, т. е. оно тоже употребляется значительно реже, чем *kilkanaście*.

¹⁹ В литовском *keli/kelios* – местоимение (LKŽ, 2018), принимающее женскую/мужскую форму в зависимости от соответствующей формы существительного.

тогда как смысл *kilka*- остается вне рассмотрения, поскольку автор полагает, что отрезок числового ряда, к которому относится *kilkanaście*, включает также *jedenaste* ('11'). В рамках данной статьи мы принимаем эту трактовку в отношении граничных пунктов отрезка, обозначаемого *keliolika*. Следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о точном определении значения рассматриваемых слов едва ли можно считать окончательно решенным.

Самой лексеме *несколько* (эквиваленту лит. *keli/kelios*, пол. *kilka*, укр. *кілька*) следует уделить немного больше внимания, поскольку, как отмечалось выше, именно она приводится в качестве соответствия *keliolika* в ряде литовско-русских словарей.

В известных нам толковых словарях русского языка объяснение значения лексемы *несколько* содержит формулировки, указывающие, что значение *несколько* выражает неопределенное число, которое оценивается как небольшое (то есть получает количественную оценку 'немного'). Ср.:

- «**1. Несколько**, их, числит. Некоторое, неопределенное, небольшое количество. *Барышня взяла книгу и прочла несколько строк*» (Сороколетов & Филин, 1958, с. 1167)²⁰.
- «**НЕСКОЛЬКО**¹, -их, числит. неопр. Некоторое, небольшое количество. *Н. лет*» (Ожегов, 2016, с. 624).
- «**НЕСКОЛЬКО**, мест. <...> Какое-нибудь, обычно небольшое, количество. *Н. лет не приезжал. Купил н. книг*» (Шведова, 2000, с. 33).
- «**НЕСКОЛЬКО**¹_О¹, -их, числ. неопред.-колич. Некоторое, неопределённо небольшое количество кого-чего-л. (больше двух). **Несколько** раз (дней, дней и ночей, километров, килограмм, тысяч [кого-чего-л.], капель, детей, человек, студентов, бабочек, книг, конфет, улыбок, заказов, этажей, глотков, неожиданностей, вариантов чего-л. ...)» (Морковкин и др., 2017, с. 614).

По нашему мнению, за формой *несколько* скрывается все же не оценка, а совершенно другой смысловой механизм. Дело в том, что оценки типа *много/мало* по своей природе относительны. Одно и то же число может быть оценено и как малое, и как большое²¹: ср. *Пришло очень мало, только 20 человек* (пришло на голосование, кворум в котором 100); *Пришло очень много, целых 20 человек* (откликнувшиеся на объявление о работе на посту директора предприятия [1 вакансия]); *100 евро? Это очень много/мало* (в зависимости от того, что

²⁰ И подобное объяснение: «**1. НЕСКОЛЬКО**, ких, по несколько, числит. колич. Некоторое, неопределенное, небольшое количество (кого-, чего-л.). <...>...*Выйдет замуж, родит еще нескольких*» (Соловьев и др., 2009, с. 257). Ср. также: «**НЕСКОЛЬКО**¹, ких, числит. Некоторое, неопределенное, весьма ограниченное количество. <...> *За н. минут до отхода поезда*» (Виноградов и др., 1938, сс. 549–550).

²¹ Количественные оценки представляют собой по сути сравнения типа 'больше'–'меньше' (с числом/количеством, которое не обращало бы на себя внимания, см. Bogusławski, 1975/1994).

покупается). И наоборот: одинаковую оценку ('много'/'мало') могут получить числа совершенно разного порядка. Ср. *Два дня – это мало* (для выполнения данного задания), *Две тысячи лет – это мало* (с точки зрения эволюции того или иного вида).

Несколько же, выступая в сочетании с названиями исчисляемых предметов, относительностью количественных оценок не обладает: *Людей пришло (всего) сто* можно заменить на оценку – *Людей пришло немного / Пришло небольшое число людей* (ср. определение из Ожегова выше), но нельзя заменить на *Людей пришло (всего) несколько / Пришло (всего) несколько человек* (в значении 'небольшое число' по отношению к группе из ста человек).

Отличие оценок типа *много, мало, немного* от лексемы *несколько* отмечал и Адам Супрун:

Отношение слова *много* (и аналогичных ему слов других славянских языков) к числовому ряду в очень большой степени зависит от ситуации. Соотносимость слова *много* с конкретными числами весьма релятивна. Аналогично этому и употребление слов *мало, немного*. Хотя это и парадоксально, но нет верхнего предела для соотнесения слова *мало* с числовым рядом. В этом проявляется относительность, релятивность значений неопределенно-количественных числительных *много* и *мало* (Супрун, 1969, сс. 23–24).

Слово же *несколько* – нерелятивное (Супрун, 1969, с. 24). Существует некий конкретный, не изменяющийся в зависимости от ситуации числовой предел, к которому можно относить эту лексему.

Попытка характеризовать значение *несколько* путем обращения к количественной оценке связана, по-видимому, с тем, что числовой отрезок, к которому мы можем отнести это слово, охватывает **самые меньшие** в ряду натуральных чисел (исключая, конечно, '1' и, возможно, также '2'²²). Числа этого отрезка – небольшие в том смысле, что они меньше любого из целого множества чисел, находящихся за верхней границей (меньше 20, 35 и т. д.). Однако этот факт вовсе не подразумевает, что говорящий, определяя некое число предметов как *несколько*, всегда имеет в виду, что оно малое, поскольку существует множество больших чисел. Говорящий, по нашему мнению, может оценивать, а может и не оценивать число, названное *несколько*, а если оценивает, то вовсе не всегда как малое. В качестве доказательства можно привести, в частности, тот факт, что возможны, хотя и довольно редки, сочетания *несколько* со словом *целый*, подразумевающим количественную оценку 'много', напр. *Лаура сделала необычную для себя паузу, тянувшуюся целых несколько секунд...* (жирный шрифт наш. – М. Д.)²³.

²² Этот вопрос рассматривается нами далее.

²³ Источник примера – произведение А. Слаповского *Большая Книга Перемен*. Пример был найден по запросу в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, б. д.; Савчук и др., 2024).

Аналогично дело обстоит и с названиями точных малых чисел типа *три*. Обозначаемое числительным *три* число **всегда** мало, если мы сравниваем его с другими числами арифметического ряда: больше 3 целое множество чисел, а меньше – только 1 и 2. Из этого, однако, не следует, что с любым употреблением числительного *три* связана и оценка типа ‘мало’ (хотя в конкретных ситуациях она, конечно же, не исключена). В значении слова *три* компонент оценки отсутствует.

Трудно согласиться и с тем, что слово *несколько* может относиться к некоему **совершенно неопределенному** количеству. Также сомнительна формулировка «какое-нибудь количество», использованная авторами *Русского семантического словаря* в процитированном выше определении (Шведова, 2000), поскольку из нее следовало бы, что *несколько* может обозначать ‘все равно какое’/‘любое’ число предметов, а это очевидно не соответствует действительности. *Несколько*, по нашему мнению, обозначает не просто неопределенное число, а скорее неопределенное число из довольно определенного отрезка чисел (отрезка элементов числового ряда). Объективные границы отрезка, к которому может относиться число, выражаемое словом *несколько*, безусловно существуют, хотя и остаются слегка размытыми. Отрезок этот, как указывалось выше, по-видимому, начинается от 2²⁴. Как минимум в общих чертах можно определить и верхний числовой предел. Все, что превышает этот предел, в отрезок, выделяемый *несколько*, наверняка не входит – вне зависимости от контекста, конституции и оценки числа предметов, по отношению к которым применяется данное слово. Ср. напр. *одолжить несколько книг, родить нескольких детей, провести несколько дней* – известно, что мы не можем употреблять такие словосочетания по отношению ко множествам элементов (книг/детей/дней и т. д.), выражаемым в величинах разряда десятков/сотен/тысяч и т. д. (ср., напр., **несколько дней* по отношению к 90 дням). Ср. еще раз с оценочными словами *много/мало*, которые могут применяться к любому в абсолютном выражении числу предметов: *провести много дней* vs. *дней у нас осталось мало*. В обоих случаях речь может идти, например, как о 2, так и о 12, 60 или 200 днях.

Следует подчеркнуть, что точное определение значения слова *несколько* – задача довольно нетривиальная. Мы не будем пытаться ее решать в рамках данной статьи, а лишь приведем мнения, высказанные по этому поводу в двух значимых работах, посвященных русским и славянским числительным. А. Богуславский в монографии *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim* отмечает, что русское *несколько* является одним из числительных выражений, синкретически переплетающих понятия «больше» (или «меньше»)

²⁴ Мы используем формулировку «по-видимому, от 2», поскольку на этот счет в научной литературе выражались и другие мнения, о чем ниже.

с числами, по отношению к которым осуществляется сравнение. По мнению ученого, *несколько* охватывает диапазон от более чем двух до менее чем десяти (>2 и <10) (Bogusławski, 1966, с. 63).

Важное в контексте данной статьи замечание можно найти также в труде Адама Супруна *Славянские числительные*. Ученый пишет:

Интересно отметить, что и такое нерелятивное неопределенно-количественное слово как *несколько*... **не соотносится с числами один и два**. Элементарный эксперимент показывает, что слово *несколько* соотносится с числами, начиная от трех и кончая примерно двадцатью. **В основном *несколько* – это некоторое число в пределах от 3 до 10; почти исключено, что *несколько* – это более двадцати**. Верхний предел соотносимости этого слова с числовым рядом выражен не вполне четко. Более четко выражен он в тех языках, которые имеют образования типа укр. *кільканадцять* (Супрун, 1969, с. 24; жирный шрифт наш. – М. Д.).

Свои рассуждения Супрун подкрепляет экспериментом, проведенным «в русской аудитории». В предложении *Несколько человек идет по улице* участникам исследования было предложено заменить слово *несколько* количественным числительным. Причем, как следует из текста работы, заменять *несколько* названием соотносимого с ним числа было необязательно (то есть число могло быть любым)²⁵. Ответы 55 участников были распределены так:

Табл. 1. Ответы участников эксперимента А. Супруна

двое	1	восемь	3	пятнадцать	2
трое	1	десять	9	восемнадцать	1
четыре	2	одиннадцать	2	двадцать	3
пять	15	двенадцать	3	тридцать	1
шесть	3	тринадцать	2	сорок	2
семь	4	четырнадцать	1	пятьдесят	1

Супрун подчеркивает, что на числа от 3 до 10 падает 37 ответов из 55 (Супрун, 1969, с. 24). Не совсем понятно, по каким причинам ученый исключает из отрезка, соотносимого с *несколько*, число 2, считая началом отрезка число 3. Этот взгляд явно не подкреплен данными проведенного им эксперимента: ответов «двое» в таблице результатов столько же, сколько «трое» (по одному).

²⁵ Супрун пишет, что «на смысловую соотносительность этого слова [числительного, которым участник мог заменить лексему *несколько* – М. Д.] с заменяемым словом *несколько* не указывалось» (Супрун, 1969, с. 24).

Добавим, что относительно верхней границы отрезка нам ближе точка зрения А. Богуславского, чем А. Супруна. Согласно нашей языковой интуиции, *несколько* не может относиться к числам выше 10 (Супрун, однако, не исключает такой возможности и для чисел от 11 до 20, хотя рассматривает ее как менее вероятную, чем соотносимость с числами от 3 до 10).

Так или иначе, отрезок, к которому относит рус. *несколько*, может охватывать, по нашему мнению, числа ([2], 3, 4...9, [возможно также 10]), не входящие в диапазон, обозначаемый лит. *keliolika*, поэтому слово *несколько* вряд ли можно считать смысловым эквивалентом последнего.

3. О некоторых теоретически возможных способах перевода *keliolika* на русский

Как наиболее точно передать смысл слова *keliolika* при переводе на русский язык? Первое, что, как кажется, может прийти на ум, – это использовать различные текстовые (описательные) способы выделения отрезка чисел (отрезка арифметического ряда) с двумя, выраженными на поверхности границами: напр. *одиннадцать–девятнадцать, от одиннадцати до девятнадцати; минимум одиннадцать, максимум девятнадцать; более десяти, но менее двадцати; не менее одиннадцати, но не более девятнадцати; одиннадцать, максимум девятнадцать* и т. д.

Достаточно, однако, рассмотреть реальные примеры использования *keliolika* в литовском и попробовать перевести их с помощью вышеупомянутых конструкций, чтобы убедиться, что результаты часто оказываются довольно сомнительны.

Рассмотрим пример *Jau keliolika metų į savo darbines keliones pasiimi po vieną vaiką* (Jovaisa, 2025) ('Вот уже [*keliolika*] лет я беру с собой в рабочие поездки по одному ребёнку'). Ср. результат: *Вот уже от одиннадцати до девятнадцати лет [одиннадцать–девятнадцать / более десяти, но менее двадцати; минимум одиннадцать, максимум девятнадцать, не менее одиннадцати, но не более девятнадцати; одиннадцать, максимум девятнадцать лет] я беру с собой в рабочие поездки по одному ребёнку.*

Эти предложения звучат неестественно – и дело здесь не только в громоздкости и многословности полученных конструкций (хотя и в этом тоже), не в стилистических противоречиях (хотя в некоторых случаях могут появляться и они), и даже не в том, что их не допускает строение предложения, контекст (синтаксическое строение самого предложения здесь вполне допускает)²⁶.

²⁶ Ср. также заголовок новостей: лит. *Vilniuje sukčiai išviliojo keliolika tūkstančių eurų, automobilių* (*Vilniuje sukčiai išviliojo keliolika tūkstančių eurų*, б. д).

Дело в том, что в русском языке в конструкциях, состоящих из двух числительных, стоящих рядом и приблизительно обозначающих **одно число**, обычно появляются лишь **ближайшие** друг к другу – на уровне наименьшего учитываемого десятичного разряда – числа: единицы (*два-три человека, двенадцать-тринадцать человек, пятьдесят три – пятьдесят четыре человека*), десятки (*десяток-другой, 10–20, 60–70*), сотни (*две-три сотни, двести-триста*), тысячи (*тысяча-другая, тысяча-две, четыре-пять тысяч* и т. д.). С учетом сказанного, появление на поверхности числительных *одиннадцать* и *девятнадцать* в качестве обозначений границ отрезка, используемого для приблизительной передачи данного числа, представляло бы собой своего рода исключение из общего правила. Конструкции такого типа могут обозначать и значительно более протяженные отрезки, чем 11–19 (то есть отрезки, охватывающие десятки, сотни и т. д. точек: *десяток-другой, 50–60, три-четыре сотни*). Однако на поверхности как названия граничных точек таких отрезков должны выступать названия округлых чисел. Адресат вправе обратить внимание на нетипичность конструкции с числительными *одиннадцать* и *девятнадцать* и задать вполне закономерные вопросы:

Почему выраженный на поверхности отрезок именно таков? Если говорящий не в состоянии обозначить конкретной точки, но в состоянии – отрезок точек, к которому она принадлежит, почему он не использовал для этого стандартные средства, округляя границы (почему, к примеру, не было использовано выражение, охватывающее отрезок лишь немногим больший, чем 11–19: *десять–двадцать*)? Почему нельзя было избежать этой нетипичной «точности» в выражении границ, используемых для приблизительного выражения одного числа?

Можно сказать, что сам по себе отрезок '[11]/12–19', на котором расположено одно интересующее нас число, приблизительно образом обозначаемое *keliolika*, в русском языке мог бы выражаться (теоретически) с помощью конструкций типа *одиннадцать – девятнадцать*. Однако в практике использование конструкций *одиннадцать – девятнадцать, от одиннадцати до девятнадцати* и т. д. в переводе *keliolika* нежелательно.

Перевод, в котором место *keliolika* должно занять какое-либо русское слово или словосочетание: *В Вильнюсе мошенники обманным путем завладели [keliolika] тысячами евро и автомобилем. Перевод с помощью конструкции одиннадцать – девятнадцать: ?В Вильнюсе мошенники обманным путем завладели одиннадцатью – девятнадцатью тысячами евро и автомобилем.*

В определенных синтаксических позициях в зависимых падежах могут употребляться далеко не все подобные конструкции, поэтому некоторые из упомянутых выше русских вариантов были бы в данном случае невозможны. По-видимому, происходит коллизия между требованием глагола к падежу зависимого члена и требованием наречия/предлога к форме зависимого числительного: напр. **завладели более десяти, но менее двадцати тысяч еврами/тысячами евро, *завладели от одиннадцати до девятнадцати тысячами евро*. Этот вопрос, мы, однако, детально рассматривать не будем. Нас интересуют причины сомнительности тех конструкций, которые грамматически допустимы, – именно им и будет посвящено дальнейшее изложение.

Различные употребления выражений, обозначающих числовой отрезок с неокруглыми и достаточно отдаленными друг от друга границами, явно обозначенными на поверхности (например, 11–19), безусловно, возможны, но передаваемая ими информация обычно связана не с приблизительным обозначением одного числа, а с иной смысловой задачей: синкретическим обозначением более чем одного числа (путем отнесения к отрезку с явно обозначенными границами). Выделяемый отрезок арифметического ряда обозначает совокупность всех чисел, входящих в его пределы, а не одно, но неопределенное число, как это имеет место в случае приблизительных определений. Числовой отрезок рассматриваемого типа (с неокруглыми достаточно отдаленными друг от друга границами) может выражать, например, пределы определенной числовой характеристики, по которым объект попадает в данную категорию либо нет, либо сравнение данного числа с таким заранее заданным пределом. Ср.:

- *Норма количества эритроцитов зависит от пола и возраста. У мужчин **18–45 лет** она составляет..., а у женщин **18–45 лет** – ...* (Что такое эритроциты в анализе крови, б. д.). (18–45 – это не приблизительное обозначение данного числа, а точно заданный интервал, который в данном случае указывает на четкие границы возрастной категории).
- *Нормальный показатель хлора в крови человека составляет **98–107 ммоль/л**.* (Алексеев, б. д.).
- *У него именно **87–92 кило*** (сравнение с заранее установленными параметрами тяжелой весовой категории в любительском боксе и утверждение, что у данного спортсмена показатели находятся именно в этом диапазоне).

Подобные конструкции могут выражать также, например, точные пределы численности элементов во множествах, принадлежащих к данной группе множеств: *В каждом из классов школы от 17 до 27 учеников*. Последние четыре примера – это ситуации, когда говорящий **точно знает** предел, его верхнюю и нижнюю границу (максимальное и минимальное число) и выражает его на поверхности.

Таким образом, можно сказать, что ситуация, когда говорящий хотел бы определить конкретную точку, но, не зная ее, и, пытаясь выразить **приблизительно**, размещает на столь широком отрезке с именно такими, неокруглыми границами (11–19) – возможна скорее лишь теоретически. Говорящий может использовать конструкцию, выражающую на поверхности отрезок 11–19, даже зная точное число (например, 15). Однако, как уже отмечалось, в этом случае говорящий передает информацию не о числе элементов в данном множестве (приблизительное определение), а о том, что это число соответствует пределу, характерному для данной категории, нормы и т. п. (*Он в возрастной группе 11–19 лет* [зная, что этому человеку 15]).

Здесь важно обратить внимание, что для синкретического определения множества чисел может использоваться и *keliolika*: *Kiekvienā vasarā keliolikai dienu važiāju ī Palangā* (Каждое лето на [11–19] дней я еду в Палангу [один раз на столько-то, а другой раз – на столько-то: число дней каждый год может быть разным]). Однако, в отличие от вышеупомянутых конструкций с выраженными на поверхности точными границами, *keliolika* не предопределяет, что максимальная и минимальная граница в отрезке, к которому относится в данной ситуации, – это именно 11 и 19. Мы можем использовать *keliolika* и в ситуации, когда точно знаем, например, что границы отрезка, о котором речь – это 12–15 (что больше чем на 15 и меньше чем на 12 дней мы в Палангу никогда не ездим). Слово *keliolika* может заменять собой название любого отрезка между 11 и 19 с явно выраженными на поверхности границами (11–12, 12–15, 13–17 и т. д.), а при этом не передает информацию, какого именно. Поэтому передача смысла *keliolika* посредством конструкции, обозначающей отрезок с конкретно заданными границами (11–19), не всегда оказывается адекватной. Ср. *Kiekvienā vasarā keliolikai dienu važiāju ī Palangā* (в одной из возможных ситуаций – например, когда говорящий знает, что дольше чем на две недели он никогда в Палангу не ездит) – и не вполне удачный перевод: *Каждое лето на 11–19 дней я еду в Палангу*²⁷.

Учитывая вышеперечисленное, можно сказать, что использование конструкций с числительными *одиннадцать* и *девятнадцать* на поверхности не только не является универсальным средством перевода *keliolika* на русский, а во многих, если не в большинстве случаев – это средство скорее нежелательное, способное исказить смысл, передаваемый первоначальным высказыванием.

4. Заключительные замечания

В этой статье мы, безусловно, не претендовали на исчерпывающее рассмотрение слов типа лит. *keliolika* (латыш. *padsmī*, укр. *кільканадцять*, польск. *kilkanaście*). Мы показали основные трудности в описании их семантических свойств, затронули вопрос поиска их эквивалента в русском языке и дали оценку возможности использования конструкций, явно выражающих нижнюю и верхнюю границы числового отрезка 11–19, как средства их перевода. Семантические,

²⁷ То же самое относится и к слову *несколько*: говоря, например, *Летом я всегда на несколько дней еду в Подмоскowie*, мы сообщаем, что число дней пребывания – всегда в границах от двух до десяти, но при этом не утверждаем, что хотя бы иногда пребывание длится именно два дня, а иногда – десять. *Несколько* в данном случае может замещать более короткий отрезок, который следовало бы выразить, к примеру, промежутком от 3 до 5.

прагматические свойства слова *keliolika* как специфического средства выражения приблизительного числа требуют дальнейшего изучения.

5. В качестве дополнения. Краткий обзор используемых средств перевода (на корпусном материале)

Не вдаваясь в детальный анализ, в качестве дополнения к приведенным выше замечаниям рассмотрим, какие средства перевода слова *keliolika* используются в некоторых существующих переводах литовских текстов на русский. По запросу <https://ruscorpora.ru/s/pYrrp> в параллельном корпусе литовско-русских текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ, б. д.), были найдены следующие переводы²⁸. В основном среди результатов встречается перевод *keliolika* с помощью слова *несколько* (...*стрела возвращалась, вонзаясь тут же, в нескольких шагах...*; *Славный парнишка, светловолосый, вокруг носа несколько веснушек...* и т. д.). По-видимому, переводчики используют слово *несколько*, поскольку оно ближе всего к *keliolika* функционально²⁹ и прагматически, а точная передача числовой информации (отнесение к числовому отрезку с теми же границами, которые выделяются *keliolika*) в данных контекстах представляется переводчику необязательной и ею можно пренебречь.

Встречаются также отдельные случаи использования других слов и словосочетаний: *десяток с лишним* (дворов), *десять с лишним* (лет), *много* (лет). Сочетание с *keliolika* ...*šeima, kur tik keletas ar keliolika...* (дословно: *семья, где только несколько или [keliolika] человек*) переведено как *немногочисленная компания*.

Это наверняка не единственные варианты перевода *keliolika*, используемые в текстах.

Необходимо отметить, что поиск переводов *kilkanašcie* (польского эквивалента *keliolika*) в польско-русском параллельном корпусе (НКРЯ, б. д.; запрос <https://ruscorpora.ru/s/rkyu4>) приносит еще более разнообразные результаты. Кроме крайне частых вариантов перевода *kilkanašcie* с помощью слова *несколько* (шагов и т.д.), встречаются, например, и нижеследующие:

- (1) Количественные слова, не относящие к каким-либо конкретным пунктам арифметического ряда:

²⁸ Мы учитывали только результаты, найденные среди текстов, переведенных с литовского на русский, а не наоборот. Все найденные тексты относятся к художественной литературе.

²⁹ Оно также относит число к отрезку с размытыми границами, при этом – находящемуся в непосредственной близости к отрезку 11–19.

много (лет), **орава** (*kilkanaście sztuk dzieci folwarcznych* → орава фольварочной детворы), **многие** (паломники), **немногие** (ордынцы), **множество** (*kłaniać się kilkanaście razy* → отвешивать множество поклонов).

- (2) Слова и словосочетания, относящиеся к отрезкам арифметического ряда, но к таким, которые находятся вне промежутка 11–19:

несколько десятков (*Tamten szedł kilkanaście kroków nic nie mówiąc.* → Тот прошел несколько десятков шагов, не говоря ни слова), **несколько дюжин** (*Husytu – wyjaśnił jeden z wieśniaków donosicieli, jakich już kilkunastu usłużnie towarzyszyło armii Ambroża.* → Гуситы, – пояснил один из сельских доносителей, несколько дюжин которых уже сопровождали армию Амброжа)³⁰.

- (3) Конструкции, выделяющие такой числовой промежуток с двумя обозначенными на поверхности границами, который совпадает с 11–19 лишь частично (охватывает не все числа из промежутка 11–19; охватывает все числа этого промежутка, но также и другие):

двенадцать-тринадцать (лет), **десять-пятнадцать** (лет), **десять-двадцать** (семейств), **десяток-другой** (рыцарей), **десяточек-другой** (торговых судов).

- (4) Названия чисел 10, 15, 20, использованные без каких-либо показателей приближенности:

десять (шагов), **десяток** (извлеченных живых и полуживых), **пятнадцать** (тысяч), **полтора десятка** (лет, женщин, двойников, преторианцев), **пара десятков** (стульев).

- (5) Конструкции с обратным порядком названия числа 15, 20 и существительного, сигнализирующие неточность числового определения:

15: **метров на пятнадцать**, **лет пятнадцать**, **человек пятнадцать**;
20: **человек двадцать**, **шагов двадцать**.

- (6) Конструкции **десятка полтора**, **десятка два**, сигнализирующие неточность числового определения:

десятка полтора (мужчин, учеников, иудеев), **десятка два** (мужиков).

- (7) Сочетания с лексическими показателями приближенности:

- Словосочетания с различными показателями приближенности, выражающие смысл [немногим] больше 10':

десяток с небольшим (дней), **десять с лишним** (метров); **больше десятка** (рисунков), **более десятка** (несовершеннолетних), **немногим больше десятка** (драгун), **больше десяти** (дней), **более десяти** (дней).

- Словосочетания названий чисел 10, 15, 20 с лексическими показателями приближенности типа **около** (не предопределяющими, что характе-

³⁰ Сюда же, по нашему мнению, можно отнести и переводы типа *несколько человек*.

ризуемое число больше / меньше / не больше / не меньше указанного на поверхности):

10: **примерно десять** (шагов), **с десяток** (парней),

15: **около пятнадцати** (тысяч польских офицеров),

20: **около двадцати** (рублей, женщин), **около двух десятков** (убитых).

Следует добавить, что среди результатов встречаются специфические способы перевода некоторых обозначений времени, напр.: *kilkanaście minut* → *четверть часа*, *kilkanaście lat* → *долгие годы*, *za kilkanaście dni* → *недели через две*, *od kilkunastu lat* → *уже второй десяток лет*.

Иногда *kilkanaście* вообще не переводится. В этом случае вместо первоначальной числовой информации выражается смысл 'неопределенная множественность предметов', вносимый формой множественного числа существительного (напр. *Weszło kilkanaście kobiet i mężczyzn, na pół już porozbieranych...* → *Вошли актеры, некоторые из них уже успели наполовину раздеться*).

По нашему мнению, огромное разнообразие (в том числе и семантическое) используемых средств перевода *keliolika* / *kilkanaście* связано с тем, что в системе русского языка отсутствует полный эквивалент *keliolika*, *kilkanaście*, и переводчики вынуждены использовать для передачи исходной информации различные «обходные пути». У каждого из них наверняка есть свои плюсы и минусы (в определенном контексте и конситуации), но ни один из них, как можно предполагать, не обладает полным набором семантических и прагматических свойств исходного слова. Передаваемый исходными словами смысл – число из отрезка арифметического ряда с двумя определенными, пусть и слегка размытыми границами – при переводе в той или иной мере искажается, иногда довольно существенно (например, при передаче польск. *kilkanaście* с помощью рус. *много*). Можно сказать, что используются различные текстовые приемы передачи слова, сохраняющие исходный смысл в разной степени, поскольку в системе отсутствует лексема, которая способна передавать его без каких-либо искажений.

Список сокращений (словари и языковые корпуса)

ISJP-1 – *Inny słownik języka polskiego* (Т. 1) (Bańko, 2000a).

ISJP-2 – *Inny słownik języka polskiego* (Т. 2) (Bańko, 2000b).

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas* (Т. 1–20) (Naktinienė и др., 2018).

SJP – *Słownik języka polskiego* (Т. 2) (Szymczak, 1988).

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* (б. д.).

Библиография

Источники

- Алексеев, А. В. (n.d.). *Биохимия крови: Хлор*. ЭндоМедЛаб. Retrieved March 15, 2025, from https://medcentr-endomedlab.ru/biohimija_krovi/norma_hlor.html
- Что такое эритроциты в анализе крови. (n.d.). МедиАрт. Retrieved March 15, 2025, from <https://medi-art.ru/vsye-o-zdorove/что-такое-eritrotsity-v-analize-krovi/>
- Jovaisa, M. [@mariusjovaisa]. (2025, February 18). *Jau keliolika metų į savo darbines keliones pasiūti po vieną vaiką [...]*. Thread. Retrieved March 15, 2025, from <https://www.threads.com/@mariusjovaisa/post/DGOXcDAM5fM>
- Vilniuje sukčiai išviliojo keliolika tukstančių eurų, automobilių. (n.d.). 15min.lt. Retrieved March 15, 2025, from <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/nusikratimaiirnelaimes/vilniuje-sukciai-ismviliojo-keliolika-tukstanciu-euru-automobiliu-59-2382936>

Литература

- Амбразас, В., Валецкене, А., Валулите, Э., Гаршва, К., Гирденис, А., Кнюкшта, П., Криницкайте, С., Лабутис, В., Лайгонайте, А., Огинскене, Э., Пикчилингис, Ю., Руже, А., Слижене, Н., & Ульвидас, К. (1985). *Грамматика литовского языка*. Мокслас.
- Білодід, І. К. (Ed.). (1969). *Сучасна українська літературна мова: Морфологія*. Наукова думка.
- Бірыла, М. В., & Шуба, П. П. (Eds.). (1985). *Беларуская граматыка: Частка 1: Фаналогія: Арфаэзія: Марфалогія: Словаўтварэнне*. Навука і тэхніка.
- Бусел, В. Т. (Ed.). (2004). *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Перун.
- Виноградов, В. В., Винокур, Г. О., Ларин, Б. А., Ожегов, С. И., Томашевский, Б. В., & Ушаков, Д. Н. (1938). *Толковый словарь современного русского языка: Vol. 2. Л–Ояловеть*. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-2/ushakov-tom-2_0001.htm
- Виноградов, В. В. (1986). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)* (3rd rev. ed.). Высшая школа.
- Волкава, Я. В., & Авілава, В. Л. (2005). *Польска-беларускі слоўнік* (2nd ed.). Беларуская энцыклапедыя.
- Гальди, Л. (Ed.). (1987). *Венгерско-русский словарь: 40 000 слов* (2nd ed.). Русский язык; Издательство Академии наук Венгрии.
- Иванов, В. В. (1990). *Историческая грамматика русского языка* (3rd rev. ed.). Просвещение.
- Кузнецов, С. А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Норинт.
- Мельчук, И. А. (1985). *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Institut für Slavistik der Universität Wien.
- Морковкин, В. В., Богачёва, Г. Ф., & Луцкая, Н. М. (2017). *Большой универсальный словарь русского языка*. Просвещение.
- Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. (n.d.). Retrieved March 15, 2025, from <https://ruscorpora.ru/>

- Новиков, С. А. (Ed.). (2003). *Современный русский язык: Фонетика: Лексикология: Словообразование: Морфология: Синтаксис*. Лань.
- Ожегов, С. И. (2016). *Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений* (Л. И. Скворцов, Ed.; 28th rev. ed.). Мир и Образование.
- Савчук, С. О., Архангельский, Т. А., Бонч-Осмоловская, А. А., Дони́на, О. В., Кузнецова, Ю. Н., Ляшевская, О. Н., Орехов, Б. В., & Подрядчикова, М. В. (2024). Национальный корпус русского языка 2.0: Новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2, 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Соловьев, Н. В., Панков, Д. И., & Фелицына, В. П. (Eds.). (2009). *Большой академический словарь русского языка: Vol. 12. Недруг–Няня*. Наука.
- Сороколетов, Ф. П., & Филин, Ф. П. (Eds.). (1958). *Словарь современного русского литературного языка: Vol. 7. Н*. Издательство Академии Наук СССР.
- Супрун, А. (1969). *Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи*. Издательство БГУ им. В. И. Ленина.
- Шведова, Н. Ю., Арутюнова, Н. Д., Бондарко, А. В., Иванов, Вал. Вас., Лопатин, В. В., Улуханов, И. С., & Филин, Ф. П. (Eds.). (1980). *Русская грамматика: Vol. 1. Фонетика: Фонология: Ударение: Интонация: Словообразование: Морфология*. Наука.
- Шведова, Н. Ю. (Ed.). (2000). *Русский семантический словарь: Vol. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос)*. Азбуковник.
- Bańko, M. (Ed.). (2000a). *Inny słownik języka polskiego: Vol. 1. A–Ó* [ISJP-1]. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bańko, M. (Ed.). (2000b). *Inny słownik języka polskiego: Vol. 2. P–Ż* [ISJP-2]. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bąk, P. (1984). *Gramatyka języka polskiego: Zarys popularny* (4th rev. ed.). Wiedza Powszechna.
- Bogusławski, A. (1966). *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*. Ossolineum.
- Bogusławski, A. (1994). Measures are measures: In defence of the diversity of positives and comparatives. In A. Bogusławski, *Sprawy słowa / Word matters* (pp. 323–329). Veda. (Reprinted from «Measures are measures: In defence of the diversity of positives and comparatives», 1975, *Linguistische Berichte*, 36, 1–9).
- Csorba, T. (Ed.). (1985). *Wielki słownik polsko-węgierski* (2nd ed.). Wiedza Powszechna.
- Duszkin, M. (2011). Семантика росийского лйчебникowego szyku przestawnego. In E. Komorowska & D. Stanulewicz (Eds.), *Liczba i miara w językach i kulturach świata* (pp. 87–98). Przedsiębiorstwo Produkcyjno-Handlowe «ZAPOL».
- Gaivenis, K., Lyberis, A., & Šernas, V. (1989). *Trumpas lietuvių-rusų kalbų žodynas / Краткий литовско-русский словарь*. Šviesa.
- Kalnača, A., & Lokmane, I. (2021). *Latvian grammar*. University of Latvia Press. <https://doi.org/10.22364/latgram.2021>

- Klemensiewicz, Z., Lehr-Spławiński, T., & Urbańczyk, S. (1964). *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Lyberis, A. (1971). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Apie 50 000 žodžių / Литовско-русский словарь: Около 50000 слов*. Leidykla «Mintis».
- Lyberis, A. (1988). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Apie 65 000 žodžių / Литовско-русский словарь: Около 65000 слов* (2nd rev. ed.). Mokslo.
- Lyberis, A. (2001). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Литовско-русский словарь* (3rd rev. ed.). Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras.
- Marciniak, M., Kieraś, W., Bojałkowska, P., Borkowski, P., Borys, M., Eźlakowski, W., Guz, W., Kobyliński, Ł., Komosińska, D., Krasnowska-Kieraś, K., Łaziński, M., Miernecka, M., Nitoń, B., Ogrodniczuk, M., Rudolf, M., Tomaszewska, A., Woliński, M., Wołoszyn, J., Wójtowicz, B., ... Zawadzka-Paluckta, N. (n.d.). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego: Listy frekwencyjne*. Retrieved March 15, 2025, from <https://kwjp.ipipan.waw.pl/lists>
- Naktinienė, G., Paulauskas, J., Petrokienė, R., Vitkauskas, V., & Zabarskaitė, J. (Eds.). (2018). *Lietuvių kalbos žodynas (Vols. 1–20, 1941–2002): Elektroninis variantas [LKŽ]*. Lietuvių kalbos institutas. Retrieved March 15, 2025, from <http://www.lkz.lt/>
- Oliva, K., Kulošová, M., Dvořáková, J., Křížová, V., & Mudrochová-Charvátová, A. (1994). *Polsko-český slovník / Słownik polsko-czeski: Vol. 1. A–Ó*. Academia.
- Rospond, S. (2005). *Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami* (4th changed ed.). Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sax, D. (2017). Kilkanaście – czyli właściwie ile? O granicach w semantyce osobliwego liczebnika nieokreślonego. In M. Danielewiczowa, K. Doboszyńska-Markiewicz, & A. Wójcicka (Eds.), *Nieokreśloność i granice* (pp. 183–203). Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego.
- Szymczak, M. (Ed.). (1988). *Słownik języka polskiego: Vol. 2. L–P [SJP]*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tēzaurs.lv. (n.d.). *Padsmīt*. In *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Retrieved March 15, 2025, from <https://llvv.tezaurs.lv/padsmit>
- Utkā, A. (2009). *Dažnais rašytinės lietuvių kalbos žodynas: 1 milijono žodžių morfologiškai anotuoti tekstyno pagrindu*. Vytauto Didžiojo universitetas.

Bibliography (Transliteration)

Sources

- Alekseev, A. V. (n.d.). *Biokhimiia krovi: Khlor*. EndoMedLab. Retrieved March 15, 2025, from https://medcentr-endomedlab.ru/biohimija_krovi/norma_hlor.html
- Chto takoe eritrotsity v analize krovi*. (n.d.). MediArt. Retrieved March 15, 2025, from <https://medi-art.ru/vsy-e-o-zdorove/chto-takoe-eritrotsity-v-analize-krovi/>

- Jovaisa, M. [@mariusjovaisa]. (2025, February 18). *Jau keliolika metų į savo darbines keliones pasiimu po vieną vaiką [...]*. Thread. Retrieved March 15, 2025, from <https://www.threads.com/@mariusjovaisa/post/DGOXcDAM5fM>
- Vilniuje sukčiai išviliojo keliolika tūkstančių eurų, automobilių. (n.d.). 15min.lt. Retrieved March 15, 2025, from <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/nusikratimaiirnelaimes/vilniuje-sukciai-issviliojo-keliolika-tukstanciu-euru-automobili-59-2382936>

Literature

- Ambrasas, V., Valetskene, A., Valiulite, E., Garshva, K., Girdenis, A., Kniukshta, P., Krinichkaite, S., Labutis, V., Laigonaite, A., Oginskene, E., Pikchilingis, IU., Ruzhe, A., Slizhene, N., & Ul'vidas, K. (1985). *Grammatika litovskogo iazyka*. Mokslas.
- Bańko, M. (Ed.). (2000a). *Inny słownik języka polskiego: Vol. 1. A–Ó* [ISJP-1]. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bańko, M. (Ed.). (2000b). *Inny słownik języka polskiego: Vol. 2. P–Ż* [ISJP-2]. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bąk, P. (1984). *Gramatyka języka polskiego: Zarys popularny* (4th rev. ed.). Wiedza Powszechna.
- Bilodid, I. K. (Ed.). (1969). *Suchasna ukrains'ka literaturna mova: Morfolohiia*. Naukova dumka.
- Biryła, M. V., & Shuba, P. P. (Eds.). (1985). *Belarускаia hramatyka: Chastka 1: Fanalohiia: Arfaëpiia: Marfalohiia: Slovaŭtvarënnë*. Navuka i tэхhnika.
- Bogusławski, A. (1966). *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*. Ossolineum.
- Bogusławski, A. (1994). Measures are measures: In defence of the diversity of positives and comparatives. In A. Bogusławski, *Sprawy słowa / Word matters* (pp. 323–329). Veda. (Reprinted from “Measures are measures: In defence of the diversity of positives and comparatives”, 1975, *Linguistische Berichte*, 36, 1–9).
- Busel, V. T. (Ed.). (2004). *Velykyi tłumachnyi slovnyk suchasnoi ukrains'koï movy*. Perun.
- Csorba, T. (Ed.). (1985). *Wielki słownik polsko-węgierski* (2nd ed.). Wiedza Powszechna.
- Duszkina, M. (2011). *Semantyka rosyjskiego liczebnikowego szyku przestawnego*. In E. Komorowska & D. Stanulewicz (Eds.), *Liczba i miara w językach i kulturach świata* (pp. 87–98). Przedsiębiorstwo Produkcyjno-Handlowe “ZAPOL”.
- Gal'di, L. (Ed.). (1987). *Vengersko-russkii slovar': 40 000 slov* (2nd ed.). Russkii iazyk; Izdatel'stvo Akademii nauk Vengrii.
- Gaivenis, K., Lyberis, A., & Šernas, V. (1989). *Trumpas lietuvių-rusų kalbų žodynas / Kratki litovsko-russkii slovar'*. Šviesa.
- Ivanov, V. V. (1990). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* (3rd rev. ed.). Prosveshchenie.
- Kalnača, A., & Lokmane, I. (2021). *Latvian grammar*. University of Latvia Press. <https://doi.org/10.22364/latgram.2021>
- Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawinski, T., & Urbańczyk, S. (1964). *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. Norint.

- Lyberis, A. (1971). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Apie 50 000 žodžių / Litovsko-ruskių slovar': Okolo 50 000 slov*. Leidykla "Mintis".
- Lyberis, A. (1988). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Apie 65 000 žodžių / Litovsko-ruskių slovar': Okolo 65 000 slov* (2nd rev. ed.). Mokslo.
- Lyberis, A. (2001). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas: Litovsko-ruskių slovar'* (3rd rev. ed.). Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras.
- Marciniak, M., Kieraś, W., Bojałkowska, P., Borkowski, P., Borys, M., Eźlakowski, W., Guz, W., Kobyliński, Ł., Komosińska, D., Krasnowska-Kieraś, K., Łaziński, M., Miernecka, M., Nitoń, B., Ogrodniczuk, M., Rudolf, M., Tomaszewska, A., Woliński, M., Wołoszyn, J., Wójtowicz, B., ... Zawadzka-Paluckta, N. (n.d.). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego: Listy frekwencyjne*. Retrieved March 15, 2025, from <https://kwjp.ipipan.waw.pl/lists>
- Mel'chuk, I. A. (1985). *Poverkhnostnyĭ sintaksis russkikh chislovykh vyrazheniĭ*. Institut für Slavistik der Universität Wien.
- Morkovkin, V. V., Bogachëva, G. F., & Lutskaia, N. M. (2017). *Bol'shoĭ universal'nyi slovar' russkogo iazyka*. Prosveshchenie.
- Naktinienė, G., Paulauskas, J., Petrokienė, R., Vitkauskas, V., & Zabarskaitė, J. (Eds.). (2018). *Lietuvių kalbos žodynas: Vols. 1–20, 1941–2002: Elektroninis variantas* [LKŽ]. Lietuvių kalbos institutas. Retrieved March 15, 2025, from <https://www.lkz.lt>
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [NKRIA]. (n.d.). Retrieved March 15, 2025, from <https://ruscorpora.ru/>
- Novikov, S. A. (Ed.). (2003). *Sovremennyi russkii iazyk: Fonetika: Leksikologiya: Slovoobrazovanie: Morfologiya: Sintaksis*. Lan'.
- Oliva, K., Kulošová, M., Dvořáková, J., Křížová, V., & Mudrochová-Charvátová, A. (1994). *Polsko-český slovník / Słownik polsko-czeski: Vol. 1. A–Ó*. Academia.
- Ozhegov, S. I. (2016). *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka: Okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniĭ* (L. I. Skvortsov, Ed.; 28th rev. ed.). Mir i obrazovanie.
- Rospond, S. (2005). *Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami* (4th changed ed.). Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sax, D. (2017). *Kilkanaście – czyli właściwie ile? O granicach w semantyce osobliwego liczebnika nieokreślonego*. In M. Danielewiczowa, K. Doboszyńska-Markiewicz, & A. Wójcicka (Eds.), *Nieokreśloność i granice* (pp. 183–203). Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego.
- Savchuk, S. O., Arkhangel'skiĭ, T. A., Bonch-Osmolovskaia, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, I. U. N., Liashevskaia, O. N., Orekhov, B. V., & Podriadchikova, M. V. (2024). *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka 2.0: Nove vozmozhnosti i perspektivy razvitiia. Voprosy iazykoznanii*, 2, 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Shvedova, N. I. U., Arutiunova, N. D., Bondarko, A. V., Ivanov, Val. Vas., Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S., & Filin, F. P. (Eds.). (1980). *Ruskaia grammatika: Vol. 1. Fonetika: Fonologiya: Udarenie: Intonatsiia: Slovoobrazovanie: Morfologiya*. Nauka.
- Shvedova, N. I. U. (Ed.). (2000). *Russkii semanticheskii slovar': Vol. 1. Slova ukazuiushchie (mestoimeniia). Slova imeniuiushchie: Imena sushchestvitel'nye* (Vsë zhivoe: Zemlia. Kosmos). Azbukovnik.

- Solov'ev, N. V., Pankov, D. I., & Felitsyna, V. P. (Eds.). (2009). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka: Vol. 12. Nedrug–Niania*. Nauka.
- Sorokoletov, F. P., & Filin, F. P. (Eds.). (1958). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: Vol. 7. N*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Suprun, A. (1969). *Slavianskie chislitel'nye: Stanovlenie chislitel'nykh kak osoboï chasti rechi*. Izdatel'stvo BGU im. V. I. Lenina.
- Szymczak, M. (Ed.). (1988). *Słownik języka polskiego: Vol. 2. L–P [SJP]*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Tēzaurs.lv. (n.d.). *Padsmīt*. In *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Retrieved March 15, 2025, from <https://lrvv.tezaurs.lv/padsmit>
- Utkā, A. (2009). *Dažnins rašytinės lietuvių kalbos žodynas: 1 milijono žodžių morfologiškai anotuoto teksto pagrindu*. Vytauto Didžiojo universitetas.
- Vinogradov, V. V., Vinokur, G. O., Larin, B. A., Ozhegov, S. I., Tomashevskii, B. V., & Ushakov, D. N. (1938). *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka: Vol. 2. L–Oialovet'*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarей. https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-2/ushakov-tom-2_0001.htm
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* (3rd rev. ed.). Vysshiaia shkola.
- Volkava, I. A. V., & Avilava, V. L. (2005). *Pol'ska-belaruski sloŭnik* (2nd ed.). Belaruskaia entsyklopedyia.

Как будет *keliolika* по-русски? О семантике, прагматике литовского слова, а также вопросах его перевода

Резюме

В статье анализируются некоторые вопросы, связанные с проблемой перевода литовской лексемы *keliolika* на русский язык. Проблема эта сложная и научно крайне интересная, так как у литовского *keliolika*, так же, как у слов с подобным значением в других языках – польского *kilkanaście*, украинского *кільканадцять*, латышского *padsmīt* – нет однословного эквивалента в русском языке.

Ключевые слова: *keliolika*; *kilkanaście*; *кільканадцять*; *padsmīt*; перевод на русский; слова типа несколько

How to Say *keliolika* in Russian? On the Semantics and Pragmatics of the Lithuanian Word and the Issues of Its Translation

Abstract

The article analyses certain issues related to the problem of translating the Lithuanian lexeme *keliolika* into Russian. This problem is complex and scientifically fascinating, as Lithuanian *keliolika*, just like words with a similar meaning in other languages – Polish *kilkanaście*, Ukrainian *кільканадцять*, Latvian *padsmīt* – has no single-word equivalent in Russian.

Keywords: *keliolika*; *kilkanaście*; *кільканадцять*; *padsmīt*; translation into Russian; words of the type *несколько*

Jak będzie *keliolika* po rosyjsku? O semantyce i pragmatyce litewskiego słowa oraz o zagadnieniach jego przekładu

Streszczenie

W artykule analizowane są niektóre kwestie związane z problemem tłumaczenia litewskiego leksemu *keliolika* na język rosyjski. Problem ten jest złożony i niezwykle interesujący z naukowego punktu widzenia, ponieważ litewskie *keliolika*, podobnie jak słowa o podobnym znaczeniu w innych językach – polskie *kilkanaście*, ukraińskie *кільканадцять*, łotewskie *padsmīt* – nie ma jednowyrazowego odpowiednika w języku rosyjskim.

Słowa kluczowe: *keliolika*; *kilkanaście*; *кільканадцять*; *padsmīt*; tłumaczenie na rosyjski; wyrazy typu *несколько*

Dr hab. Maksim Duszkin, Associate Professor at the Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw. PhD – 2009, habilitation – 2019 (Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences). Editorial Secretary of the journal *Acta Baltico-Slavica* in 2014–2020, Editor-in-Chief since 2021. Scholarly interests: semantics, pragmatics, corpus linguistics, Russian-Polish comparative studies, history of linguistic thought.

Bibliography (selected): Dokładniej o dokładności: „zaokrągloność” dokładnych określeń ilościowych [More specifically about exactness: “Roundness” of exact quantifications], *Prace Filologiczne* 48, Warszawa (Warsaw) 2003, 133–142; Approximation and supposition, *Cognitive Studies / Études Cognitives* 10, Warszawa (Warsaw) 2010, 121–125; Wykładowiki przybliżoności adnumeratywnej w języku polskim i rosyjskim [Exponents of adnumerative approximation in Polish and Russian], Warszawa (Warsaw) 2010; Лингвистическая идея числительного в русских грамматиках XVIII–XIX веков [The linguistic concept of the numeral in Russian grammars of the 18th–19th centuries], Warszawa (Warsaw) 2018; Разработка вопроса синтаксиса малых числительных в русских грамматиках XVIII–XIX веков [Studies on the syntax of “small” numerals in Russian grammars of the 18th–19th centuries], *Slavia Orientalis* 59(2), Warszawa (Warsaw) 2020, 365–378.

Correspondence: Maksim Duszkin, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland, e-mail: maksim.duszkin@edu.waw.pl

Support of the work: This work was supported by core funding for the statutory activities of the Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences.

Competing interests: The author is the Editor-in-Chief of this journal.

Publication history: Received: 2025-03-28; Accepted: 2025-09-30; Published: 2025-12-31